

УДК 82.02(045)

МОТИВ КАК ФОРМУЛА ОБРАЗНО-ПОЭТИЧЕСКОГО ПЕРЕЖИВАНИЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ: МЕТОДОЛОГИЯ А. Н. ВЕСЕЛОВСКОГО В СОВРЕМЕННОМ ШЕКСПИРОВЕДЕНИИ

Н. С. ЗЕЛЕЗИНСКАЯ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Постулируется необходимость синтетического подхода к методологии исследования мотивики творчества У. Шекспира как автора, чье творчество, во-первых, значительно удалено от нас во временном, пространственном и ментальном отношениях, во-вторых, вобрало в себя идеи времени и выразило их в наиболее эстетически существенной для потомков форме, в сравнении с которой традиционно познаются другие произведения эпохи. Отсюда следует необходимость совмещения мотивного и сравнительного анализа, а также метода истории идей, что можно наблюдать в статьях и заметках А. Н. Веселовского, которые и послужили теоретической базой исследования. В работах ученого мотив рассматривается как простейшая повествовательная повторяющаяся единица, часть литературной традиции и художественное воплощение определенной культурной идеи. Особое внимание в статье уделяется истории идей (идеалов – в терминологии Веселовского). Современное литературоведение (в частности, шекспироведение) переживает всплеск интереса к истории идей и синтезу методов. Статья демонстрирует, что этот ракурс уже был задан работами А. Н. Веселовского и имеет глубокие корни. Возвращение внимания к труду «Историческая поэтика» в том виде, в каком она задумывалась ученым, обнаруживает ее методологическую

Образец цитирования:

Зелезинская НС. Мотив как формула образно-поэтического переживания действительности: методология А. Н. Веселовского в современном шекспироведении. *Журнал Белорусского государственного университета. Филология.* 2020;3:5–19.

For citation:

Zelezinskaya NS. The motif as a formula of imaginative poetic experience of the reality: A. N. Veselovsky's methodology in contemporary Shakespeare studies. *Journal of the Belarusian State University. Philology.* 2020;3:5–19. Russian.

Автор:

Наталья Станиславовна Зелезинская – старший преподаватель кафедры теории и практики перевода факультета социокультурных коммуникаций.

Author:

Natalia S. Zelezinskaya, senior lecturer at the department of theory and practice of translation, faculty of social and cultural communication.
zelenew@tu.by
<https://orcid.org/0000-0002-2018-1959>

и теоретическую актуальность для современного этапа развития гуманитарного знания. Описанная в статье методология может быть успешно применена в исследовании конкретных литературных мотивов, что было апробировано, в частности, на мотиве самоубийства в творчестве У. Шекспира.

Ключевые слова: мотив; мотивный анализ; сравнительный анализ; история идей; контекст; А. Н. Веселовский; У. Шекспир.

МАТЫЎ ЯК ФОРМУЛА ВОБРАЗНА-ПАЭТЫЧНАГА ПЕРАЖЫВАННЯ РЭЧАІСНАСЦІ: МЕТАДАЛОГІЯ А. М. ВЕСЯЛОЎСКАГА Ў СУЧАСНЫМ ШЭКСПІРАЗНАЎСТВЕ

Н. С. ЗЕЛЯЗІНСКАЯ^{1*}

^{1*}*Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь*

Пастуліруецца неабходнасць сінтэтычнага падыходу да метадалогіі даследавання матывікі творчасці У. Шэкспіра як аўтара, чья творчасць, па-першае, значна аддалена ад нас у часавых, прасторавых і ментальных адносінах, па-другое, увабрала ў сябе ідэі часу і адлюстравала іх у найбольш эстэтычна значнай для нашчадкаў форме, у параўнанні з якой традыцыйна спазнаюцца іншыя творы эпохі. Адсюль вынікае неабходнасць сумяшчэння матывічнага і параўнальнага аналізу, а таксама метаду гісторыі ідэй, што можна назіраць у артыкулах і нататках А. М. Весялоўскага, якія і паслужылі тэарэтычнай базай даследавання. У працах вучонага матыві разглядаецца як самая простая апавядальная паўтаральная адзінка, частка літаратурнай традыцыі і мастацкае ўвасабленне пэўнай культурнай ідэі. Асабліва ўвага ў артыкуле надаецца гісторыі ідэй (ідэалаў – у тэрміналогіі Весялоўскага). Сучаснае літаратуразнаўства (у прыватнасці, шэкспіразнаўства) перажывае рост цікавасці да гісторыі ідэй і сінтэзу метадаў. Артыкул дэманструе, што гэты ракурс ужо быў зададзены працамі А. М. Весялоўскага і мае глыбокія карані. Вяртанне ўвагі да работы «Гістарычная пэтыка» ў тым выглядзе, у якім яна задумвалася навукоўцам, дэманструе яе метадалагічную і тэарэтычную актуальнасць для сучаснага этапу развіцця гуманітарных ведаў. Апісаная ў артыкуле метадалогія можа быць паспяхова прыменена ў даследаванні канкрэтных літаратурных матываў, што было апрабавана, у прыватнасці, на матыве самагаубства ў творчасці У. Шэкспіра.

Ключавыя словы: матыві; матывічны аналіз; параўнальны аналіз; гісторыя ідэй; кантэкст; А. М. Весялоўскі; У. Шэкспір.

THE MOTIF AS A FORMULA OF IMAGINATIVE POETIC EXPERIENCE OF THE REALITY: A. N. VESELOVSKY'S METHODOLOGY IN CONTEMPORARY SHAKESPEARE STUDIES

N. S. ZELEZINSKAYA^a

^a*Belarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus*

The article postulates the need for a synthetic approach to the methodology of studying the motives of W. Shakespeare's work as an author, whose work, on the one hand, is significantly removed from us in time, space and mentality, and on the other hand, the author absorbed the ideas of time and expressed them in the most aesthetically valuable form, in comparison with which other works of the era are traditionally evaluated. Hence we see the need to combine motif analysis, comparative analysis and the method of the history of ideas, which can be observed in the articles and notes of A. N. Veselovsky, which served as the theoretical basis of the study. In the works of the scientist, the motive is considered as the simplest narrative unit, a repeating unit and part of the literary tradition, and an artistic embodiment of a certain cultural idea. Particular attention is paid to the history of ideas (ideals – in Veselovsky's terminology). Contemporary literary criticism (in particular, Shakespearean studies) is experiencing a surge of interest in the history of ideas and the synthesis of methods. The article demonstrates that this perspective has already been set by A. N. Veselovsky's works and has deep roots. The return of attention to «Historical poetics» in the form in which it was conceived by scientists reveals its methodological and theoretical relevance for the modern stage of development of humanitarian knowledge. The methodology described in the article can be successfully applied in the study of specific literary motives, which was tested, in particular, on the motive of suicide in the works of W. Shakespeare.

Keywords: motif; motif analysis; comparative analysis; the history of ideas; context; A. N. Veselovsky; W. Shakespeare.

Введение

Александра Николаевна Веселовского считают основоположником исторической поэтики как теории мотива и сюжета в литературоведении (см., например, [1–8]). Исследователи пишут о его вкладе в теорию мифа и фольклористику [9–12], постоянно отмечают значение историко-сравнительного метода и вклад ученого в генезис и развитие компаративистики как науки [13; 14]. Однако только с конца XX в. стали обращаться к его опыту использования истории идей в литературоведении [15; 16]. Между тем А. Н. Веселовский подчеркивал ее значимость для понимания мотива и развивал эту мысль в ряде статей.

Более того, если ставить перед собой практическую цель (изучение конкретного мотива в творчестве елизаветинского драматурга), то мотивный анализ, сравнительный метод и историю идеалов А. Н. Веселовского нельзя рассматривать по отдельности: все они являются разными сторонами исследования мотива, и наилучший результат может быть получен непосредственно при совмещении трех углов зрения. «Проблема метода стояла перед Веселовским не как проблема выбора или самоопределения, а как проблема подбора и синтеза. То здание научной теории, которое строил Веселовский, в принципе имело синтетический характер» [17, с. 317]. Данный факт не стал очевидным сразу и всем, ввиду того что работа «Историческая поэтика» при жизни автора так и осталась неоформленной как единое целое, несмотря на попытку издания в 1908–1938 гг. собрания сочинений (не было завершено) и последующие усилия В. М. Жирмунского в этом вопросе. Связано это и с тем, что А. Н. Веселовский редко прибегал к обобщениям и его теоретические выкладки могут требовать научного комментария. Скрупулезный анализ статей, заметок, записей о научных планах, архивная работа, предпринятые в 2000-х гг. И. О. Шайтановым, позволили восстановить план «Исторической поэтики» и воспринять разрозненные статьи как методологическое целое. Многие идеи, высказанные литературоведами в XX в., по сути, были повторением или развитием (озвученным или нет) методологических рассуждений А. Н. Веселовского, и сегодня важно видеть, как формировались эти идеи, и понимать, что методология Веселовского до сих пор не теряет своей актуальности, поскольку позволяет учесть особенности поэтики самого произведения, его место в литературе, генезис и эволюцию каждого мотива. Подобная многовекторность подхода обеспечивает системный анализ мотива в художественном произведении, что особенно важно для изучения вечных образов, устойчивых мотивов национальной литературы, произведений, написанных настолько давно, что игнорирование семантики, структуры и прагматики определенного мотива, свойственных ему непосредственно в данную эпоху, препятствует верной интерпретации всего произведения и творчества автора в целом, как это нередко происходит с пьесами У. Шекспира, воспринимаемыми сквозь призму литературоведческих, психологических, политических, исторических и иных теорий XX в. Ошибочность и надуманность многих интерпретаций драм У. Шекспира сегодня очевидна, и потому особую актуальность обретает подход, предлагающий эксплицировать семантические смыслы, во-первых, из интенций автора, заданных культурными установками эпохи, во-вторых, из поэтических характеристик текста. Актуальность данного исследования обусловлена соответствием этому подходу. Ключ к системности в анализе мотива предложен в научных трудах А. Н. Веселовского в их совокупности. Цель настоящей статьи состоит в обосновании системного анализа мотива в художественном произведении или ряде произведений, творчестве автора в том виде, в котором он предложен совокупностью методологических решений А. Н. Веселовского. Достижение данной цели предполагает решение следующих задач:

- 1) выявить природу мотива в понимании А. Н. Веселовского и ее дальнейших интерпретаций ведущими разработчиками теории мотива;
- 2) обосновать необходимость анализа мотива «в большом времени», т. е. в эволюции в целях обнаружения константного и свободного элемента в структуре мотива;
- 3) показать способность истории идей объяснять выбор варианта мотива автором и выявлять типологические черты мотива в определенную эпоху.

«Одночленный схематизм» мотива

В 1797 г. в статье «Об эпической и драматической поэзии» И. В. Гете ввел музыкальный термин «мотив» в литературоведческий оборот. На рубеже XIX–XX вв. теория мотива стала предметом пристального внимания А. Н. Веселовского. Так, в статье «Поэтика сюжетов» как части задуманного концептуального труда «Историческая поэтика» А. Н. Веселовский размышляет о природе сюжета, а также о мотиве как о неразложимой и повторяющейся единице сюжета и дает широко известное определение: «Под мотивом я разумею формулу, образно отвечающую на первых порах общественности на вопросы, которые природа всюду ставила человеку, либо закрепляющую особенно яркие, казавшиеся важными или повторяющиеся впечатления действительности. Признак мотива – его образный одночленный схематизм» [18, с. 538]. Эти два свойства и в дальнейших исследованиях по теории мотива были показаны как имманентные, хотя постоянно подвергались попыткам уточнения в рамках иных концептуальных контекстов.

Первым, кто на пути к структурной поэтике поставил под сомнение неразложимость мотива, был В. Я. Пропп, предложивший в книге «Морфология волшебной сказки» использовать понятие «функция действующего лица»: «Под функцией понимается поступок действующего лица, определенный с точки зрения его значимости для хода действия» [17, с. 25]. Он доказал однотипность строения сказок, выделив 31 функцию действующих лиц из 100 сказок. Эти функции представляют собой те составные части, которыми В. Я. Пропп предлагает заменить «мотивы Веселовского» [17, с. 29]. Но В. Я. Пропп неверно понимает А. Н. Веселовского, противопоставляя одночленность схематизма и неразлагаемость мотива в сказке своему наблюдению, согласно которому «те мотивы, которые он (А. Н. Веселовский. – Н. З.) приводит в качестве примеров, раскладываются. <...> Возьмем мотив “змей похищает дочь царя” (пример не Веселовского). Этот мотив разлагается на четыре элемента, из которых каждый в отдельности можно варьировать. Змей может быть заменен Кощеем, вихрем, чертом, соколом, колдуном. Похищение может быть заменено вампиризмом и различными поступками, которыми в сказке достигается исчезновение. Дочь может быть заменена сестрой» [17, с. 22]. Однако А. Н. Веселовский говорил о функциональной неразложимости мотива в сказке (легенде, песне), а не о формальной, потому что сколько не меняй вихрь на сокола, убрать его нельзя, в разложенном состоянии мотив перестает существовать, так как он не может функционировать без своих членов. А. Н. Веселовский осознавал это и потому использовал слово «формула», т. е. подчеркивал, что мотив *формально* подразделяется на части. В чем В. Я. Пропп был прав, так это в выявлении ведущей роли предикативного элемента, действия или функции, поэтому в дальнейшем введенное ученым понятие функции не смогло вытеснить термин «мотив», а даже наоборот – стало рассматриваться как его ядерный компонент (предикат), обеспечивающий существование инварианта мотива [19].

Вариативность мотива показали в своих работах А. Бем и А. И. Белецкий, использовавшие иную терминологию. В небольшой, но значимой работе «К уяснению историко-литературных понятий» (1919) А. Бем «расчленяет мотив... любви чужеземки к пленнику... в “Кавказских пленниках” Пушкина и Лермонтова и поэме Шатобриана “Атала”» [20, с. 225] и выявляет основу сравнения данных сюжетов (в том числе потенциально с любыми последующими произведениями о «пленниках» других авторов). Отталкиваясь от произведения как от «единственного литературного факта», А. Бем устанавливает, что «мотив потенциально содержит в себе возможности развития, дальнейшего нарастания, осложнения побочными мотивами» [20, с. 226], указывает на сходство сюжетов «в самой общей их формулировке» [20, с. 227], т. е. на существование некоего инварианта в противоположность «алломотиву» (варианту). Сюжет исследователь видит как усложненный мотив, отличает его виды по разной степени абстракции, отмечает, что инвариант – это фикция, схема. Таким образом, А. Бем иначе, чем А. Н. Веселовский, понимает выявленную последним дихотомичность мотива и сюжета. А. И. Белецкий в монографии «В мастерской художника слова» (1923) также разграничивает вариант и инвариант, используя термины «мотив реальный» и «мотив схематический» [21].

Таким образом, уже первыми теоретиками мотива были обнаружены его основные свойства: повторяемость, неразложимость, предикативность, инвариантность функции, вариативность художественного выражения, которые позже трактовались настолько различно, что сложилось несколько направлений исследования мотива (см. [7; 22]).

Выделение свойств мотива неразрывно связано с вопросом его границ, которое актуализируется практически в любой работе о мотиве. В 1983 г. в статье «Семантическая организация мифологического повествования и проблема создания семиотического указателя мотивов и сюжетов» Е. М. Мелетинский разработал структурно-семантическую модель мотива по образцу семантических ролей, которые изучал лингвист Ч. Филмор. Е. М. Мелетинский уподобляет структуру мотива структуре предложения и предлагает рассматривать «мотив как одноактный микросюжет, основой которого является действие» [23, с. 117], выступающее предикатом, от которого зависят число и характер актантов. Цель данной модели – корреляция между морфологией и семантикой мотива (для этого осуществляются также попытки построить структуру мотива на лингвистической теории валентности). В качестве примера Е. М. Мелетинский выделяет «минимальный набор аргументов-актантов» (субъект, объект, материал, источник), выявляет «ряд определенных способов, которые представляют отдельные предикаты» [21, с. 117–118]. Дальнейший анализ мотива приводит ученого к пониманию того, что «зыбкость переходов не мешает» реализации данной модели [23, с. 119]. И действительно, она успешно применяется на практике для понимания варианта (инварианта) конкретного мотива.

Однако Е. М. Мелетинский настаивал на возможности существования исключительно мотивов, представленных «полной актантной структурой», и таким образом исключал многие элементы текста, расцениваемые другими исследователями в качестве мотивов. Сам ученый дискутировал по этому вопросу с С. Томпсоном. Теорию Е. М. Мелетинского оспаривал М. Л. Гаспаров. Последний расширяет рассматриваемое понятие за счет разведения мотива и сюжета и максимального редуцирования его структуры,

опираясь на повторяемость как единственное непреложное свойство. Под мотивом понимается «любой феномен, любое смысловое “пятно” – событие, черта характера, элемент ландшафта, любой предмет, произнесенное слово, краска, звук и т. д.; единственное, что определяет мотив, это его репродукция в тексте, так что в отличие от традиционного сюжетного повествования, где заранее более или менее определено, что можно считать дискретными компонентами (“персонажами” или “событиями”), здесь не существует заданного “алфавита” – он формируется непосредственно в разворачивании структуры и через структуру» [24, с. 30–31]. Данный интертекстуальный подход открывает новые значимые возможности применения термина. Хотя многие литературоведы не поддерживают подобное расширение объема понятия за счет метафизических смыслов, однако оно снимает вопрос границы мотива, который всегда ощущался как проблема. Сегодня общепринятым стало суждение о том, что мотивам свойственно расширяться (до мотивного комплекса) и сжиматься (до аллюзии, прецедентного слова или словосочетания, в которых можно увидеть примирение разных точек зрения).

Мотив в «большом времени»

Произведения нельзя рассматривать вне их длительного и сложного процесса созревания, они «разбивают грани своего времени, живут в веках, т. е. в «большом времени» [25, с. 331]. Попытки понять литературное творчество только в контексте его эпохи обречены на неудачу.

Для А. Н. Веселовского наиболее значимым предметом исследования была не столько природа мотива, сколько сама «жизнь» сюжета. И если первоначально ученый задавался вопросом о генезисе сюжетов, обосновывал теорию бытового психологического самозарождения и необходимость сравнения для установления факта заимствования, то позже его внимание перешло с того, каким образом и что заимствуется в культуру, на то, как принимающая культура (и лично автор) преобразует имеющуюся традицию (именно этот вектор подхватили А. Бем и А. И. Белецкий). Для решения данной задачи истории литературы ученый избрал сравнительный метод, обосновав методологию в ряде своих работ [26–29].

Мысль А. Н. Веселовского о генезисе и бытовании сюжета А. Бем развивал уже в поле индивидуального творчества, выйдя на «вопрос о формирующем значении сюжета и тем самым свободе и необходимости в творчестве» [20, с. 227]. Как и А. Н. Веселовский, А. Бем осознавал и существование устойчивых образных схем, закрепленных традицией за тем или иным типом содержания и служащим данному содержанию планом выражения, и значимые различия между воплощениями схемы в поэтике произведений.

Сюжет А. Н. Веселовский определяет как тему, в которой снуются *разные положения мотива*. Стоит обратить внимание на разницу данных положений как в синхроническом, так и в диахроническом аспекте. Анализ «жизни» предания позволяет, с одной стороны, проследить изменения в осмыслении сюжета и мотива в нем в различных культурных условиях, с другой – выявить интенции конкретного автора.

Raison d'être мотива

Остается открытым вопрос о том, почему эволюция мотива произошла именно таким и никаким другим образом, почему автор обратился к конкретному сюжету в данный момент времени, выбрал этот, а не какой-либо другой вариант мотива.

История идей – предметное поле гуманитарного знания, связанное с изучением генезиса, становления, распространения и трансформации различных идей в качестве продуктов мыслительного труда человека. История идей как школа стала формироваться в США с начала XX в. Это была попытка преодолеть детерминизм и позитивизм культурно-исторического подхода и многим обязана Ф. Ницше и В. Дильтею, а в литературоведческом приложении – Р. Унгеру, который в 1908 г. в книге «Философские проблемы в новейшем литературоведении», конкретизируя философские принципы подхода к искусству, подчеркнул важность не столько общефилософских, сколько специфических проблем, таких как судьба, свобода и необходимость, дух и природа, любовь и смерть. Основу метода составляет исследование единичных идей (*unit ideas*), которые сплетаются друг с другом и меняют формы выражения, оставаясь относительно неизменными.

Исследователь А. Лавджой описывал свой метод следующим образом: «Обратившись к какой-либо элементарной идее, вычленив ее, историк стремится проследить ее развитие не в одной только области, где она так или иначе представлена, а во многих, если не во всех – как бы эти области не назывались: философия, наука, литература, изобразительное искусство, религия или же политика. Постулатом подобного рода исследования выступает тот, что работа любой данной концепции, эксплицитной или подразумеваемой предпосылки, типа ментальных привычек, специфических тезисов или аргументов, нуждается – дабы в полной мере понять их природу и историческую роль – в системном изучении всех аспектов рефлексивной жизни человека, где такая работа осуществляется, или, по крайней мере,

настолько полным, насколько это позволяют возможности историка. Данный постулат покоится на убеждении в том, что между этими сферами существует гораздо больше взаимосвязей, чем это обычно принято полагать, что одна и та же идея нередко проявляется, пусть и трудно узнаваемой, в самых разных областях интеллектуального мира» [30, с. 15]. А. Лавджой ставит целью изучить разные виды восприимчивости общества соответствующего времени к определенным видам пафоса в данный период, с чем умеют играть философы, превращая ту или иную философскую систему в популярную. Плодотворны, с его точки зрения, попытки проследить способы конструирования систем, внедрения их в человеческое сознание. Еще одной целью историка идей, если он хочет вычленив подлинно значимые факторы больших периодов мысли, должно быть исследование того, что «можно назвать философской семантикой», т. е. «сакраментальных понятий и выражений того или иного периода или течения, прояснение их двусмысленностей (неоднозначности – *ambiguities*), перечисление различных оттенков значения и изучение того, как неясные ассоциации идей, возникающие из этих двусмысленностей, влияли на развитие доктрин и подталкивали незаметную трансформацию одной модной мысли в другую, порой полностью ей противоположную» [30, с. 19]. В неоднозначности идей А. Лавджой видит движущую силу их развития. Не вся семантика идеи целиком, а лишь какие-то оттенки значения оказываются настолько созвучны доминирующим ценностным системам, коллективным установкам, вкусам, что со временем данное значение начинают употреблять как основное, постепенно трансформируя идею в сознании людей.

С 1940 г. под редакцией Ф. Винера выходит специальный журнал (*Journal of the History of Ideas*), с 1968 г. – пятитомный словарь истории идей (*Dictionary of the history of ideas. Studies in the pivotal ideas*), в 1976 г. – словарь Р. Уильямса (*Keywords. A vocabulary of culture and society*). Как указывает В. И. Шамшурич, в 1977 г. на конференции в Вингспреде (США) приверженцами «истории идей были сформулированы ее основные пункты. В первом из них отмечается, что «исследуется развитие и изменение ментальных достижений человечества, “история идей”, выявляются духовные образцы, “интеллектуальные парадигмы” или “абсолютные предпосылки”, рассматривается их конкретная связь с историческим или социально-политическим действием»; во втором подчеркивается междисциплинарный характер исследований [31]. Уже А. Лавджоем история идей воспринималась как междисциплинарное образование, невозможное без вычленения отдельных идей (*unit ideas*) из многих отраслей знания: истории философии, литературы, науки, искусства, фольклора, этнографии, языка, религий, образования, экономической теории, политологии и социологии.

На историю идей большое влияние оказала история ментальностей, усилившая значимость ментальных установок для бытования идеи. Под влиянием школы «Анналов» было расширено предметное поле истории идей. Исследователи вышли за пределы великих и разделяемых образованной частью общества идей, охватили массовое сознание, т. е. коллективные или социальные ментальности различных эпох («История идей сама выбирает, на каком уровне проводить исследование» [31]). Л. Февр считал, что история ментальностей должна изучать психическую жизнь во всем ее объеме от наиболее эмоциональных проявлений в области чувств до наиболее интеллектуальных форм в области религиозного и научного мышления [32]. Историю ментальностей развивали создатели школы «Анналов» (1929) Л. Февр и М. Блок, а также историки Ф. Бродель, Р. Мандру, Ж. Делюмо (основатель истории чувств: страха, безопасности, отношения к телесности и т. д.), Ф. Арьес (идея смерти) и М. Фуко (идея безумия, археология знания) и др. Все они по-разному определяли предметное поле и, соответственно, методологию истории ментальностей, что не мешало им получать более «живые» результаты, чем в исследованиях, проводимых в рамках классического культурно-исторического подхода. Так, с точки зрения М. Блока, изучение мира представлений должно включать как психические, так и социальные установки, всевозможные, в том числе материальные, ограничения, навязываемые обществом человеку. Следуя мысли Э. Дюркгейма о том, что основным системообразующим фактором каждого общества является единая система ценностей, включающая религию, верования, представления, обычаи, нравы, М. Блок делал акцент на изучении прежде всего наименее осмысленных и выраженных форм ментальной деятельности. В его работах заметен интерес к анализу повседневных поступков и привычек, формирующих социальные отношения.

Изучение истории ментальностей в России прочно связано с именем А. Я. Гуревича, на которого определяющим образом повлиял Ф. Арьес. А. Я. Гуревич одним из первых обратил внимание на первостепенную особенность менталитета – его имплицитность, скрытый, неявный, неосознанный характер проявления: «Ментальность во многом, – может быть, в главном – остается непрорефлектированной и логически не выявленной. Ментальность – тот уровень общественного сознания, на котором мысль не отчленена от эмоций, от латентных привычек и приемов сознания, – люди ими пользуются, обычно сами того не замечая, не вдумываясь в их существо и предпосылки, в их логическую обоснованность» [33, с. 56–57]. Другими словами, *ментальность* – аморфно собранные элементы внутреннего мира человека, сознательного и бессознательного, логического и эмоционального, чувств, убеждений, воли,

верований, установок, моделей и стереотипов поведения, настроений, которые объединяли носителей в некую общность. Нечеткость границ и стремление к преодолению аморфности привели к изучению ментальности как текстуально закрепленного объема свидетельств (М. Фуко), что в конце XX в. вызвало концентрацию интереса на сопоставлении текстов как исторических фактов (см., например, [34]), своеобразному апогею лингвистического поворота гуманитарных наук.

В свою очередь, «метафора “текста” обострила внимание к предметно-бытовому составу культуры, к письменности вещей и жестов», к тому, как текст «работает» (*works*), или, иначе говоря, какова функциональная соотношенность социальных структур, институтов, обычаев», как отмечает И. О. Шайтанов [35]. Повседневность была впервые поставлена в центр предметного поля Ф. Броделем в книге «Структуры повседневности» [36]. Сторонники истории повседневности изучают прежде всего быт как установку ментальности, частную жизнь людей (общества, социума, семьи, индивида), влияние на нее исторических и культурных событий. Немаловажную роль играет задача выяснения того, каким образом унаследованные культурные традиции, обычаи, представления определяют поведение людей в специфических исторических обстоятельствах. История повседневности показывает суть человека одновременно как объекта и субъекта истории. Идея бытовой (повседневной) истории получила яркое воплощение, в том числе в фундаментальной работе Ф. Арьеса «Человек перед лицом смерти» [37], ряде трудов Ю. М. Лотмана (например, «Смерть как проблема сюжета» [38]).

Разделить историю идей, историю ментальностей и историю повседневности на практике фактически невозможно ввиду смешения их предмета, объекта и методологии. Происходит и примирение на уровне методологии. Популярно суждение К. Скиннера, ведущего представителя кембриджской школы (интеллектуальной истории), о том, что при интерпретации авторских интенций в основе необходим текст, фиксирующий контекст, под которым понимается общество. При недостаточности и (или) неоднозначности толкования в основу исследования должны быть положены более глубокие ментальные образования [39].

Методология истории идей и истории ментальностей давно закрепились в зарубежном шекспироведении. Одной из первых по-настоящему пронизательных (*insight*) литературоведческих работ является расширенный сборник лекций Ф. П. Уилсона «Елизаветинцы и якобинцы» (1948). Автор сначала излагает свое видение различий между двумя эпохами, затем показывает, как они отразились на поэзии, прозе и драматургии XVI–XVII вв. Благодаря потрясающей эрудиции исследователь рисует широкую и многовекторную картину влияния английского менталитета на литературу. В книге также рассматриваются популярные (в том числе в научной среде) мифы о двух периодах, в частности, склонность упрощать различия, видеть особенность якобинской эпохи в пессимизме и т. д. Также работа Ф. П. Уилсона оказывает влияние на современное шекспироведение и постоянно переиздается [40]. Контекстуальный анализ помог переключить внимание с шекспировского читателя на зрителя, задать шекспировский вопрос и ответить на него, очертить проблемное поле культурного влияния на У. Шекспира, акцентировать проблемы соавторства и апокрифов и т. д. Просто перечислить все шекспироведческие работы, привлекающие методологию или результаты истории идей и ментальностей, не представляется возможным.

Обратимся к истории идей и ее методу в российском литературоведении. А. Н. Веселовского история идей заинтересовала еще до появления работ А. Лавджоя (истоки истории идей можно отнести к концу XIX в., философская мысль оформилась в 1920-х гг., а книга «Великая цепь бытия» вышла в 1936 г.) и П. Миллера (термин «интеллектуальная история идей» был введен им в книге «Сознание Новой Англии» в 1935 г.). Вероятнее всего, в Германии А. Н. Веселовский увлекся идеями В. Дильтея и его формирующейся в то время историей духа (*Geistgeschichte*). В. Дильтей представлял человека как целостность воли, чувства, представлений и разума. Неслучайно в трудах А. Н. Веселовского закрепился любимый термин В. Дильтея «переживание» (*das Erleben*) в значении проживания действительности и даже воплощения идей в творчестве. Русский ученый рассматриваемое направление научной мысли называл историей идеалов, поскольку главной целью для него как для литературоведа было понять, почему некая идея становилась популярной (идеальной) в определенную эпоху, в каком виде она обладала особой притягательностью в тот период, какие ее формы рисовались воображению общества и, следовательно, оживали под пером поэта или писателя.

Уже в ранних размышлениях А. Н. Веселовский утверждал: «Общество рождает поэта, не поэт общество. Исторические условия дают содержание художественной деятельности» [41, с. 36]. «Вступительную лекцию о методе и задачах истории литературы» исследователь завершает словами о необходимости «проследить, каким образом новое содержание жизни, этот элемент свободы, приливающий с каждым новым поколением, проникает в старые образы, эти формы необходимости, в которые неизбежно отливалась всякое предыдущее развитие» [42, с. 20]. На вопрос о том, каково же, собственно, «содержание жизни», можно ответить только проанализировав его с точки зрения рассматриваемого исследователем

мотива. Связь с действительностью ученый считал имманентной мотиву, поскольку уже в определении понятия отмечал, что мотив закрепляет «особенно яркие, казавшиеся особенно важными или повторяющиеся впечатления действительности» [18, с. 535].

Не раз А. Н. Веселовский затрагивает вопросы об «исторической объективности» [28, с. 220], изменении нравственного содержания «по идеям времени, господствующим в обществе, и личном миро-созерцании» [29, с. 231], полезности «истории философских учений и образовательных искусств... для освещения литературных явлений» [28, с. 225]. Ученый рассуждал о том, что если сходства объясняются заимствованиями или общими принципами развития архаического сознания, то «несходства вложены историей и особенностями народного развития» [26, с. 116]. «В истории литературы, понятой как эволюция человеческой мысли в формах человеческого слова, великие поэты и писатели, художники слова, впервые найдут себе подобающее место. Их эстетическая ценность, наслаждение, доставляемое ими, от этого не увеличатся, но они станут более *сознательными*, и получатся материалы для той исторической эстетики, которая одарит нас теорией изящного, построенной не на отвлеченных началах, а на истории вкуса, чередования широких поэтических течений, нередко на чисто внешних, например, сценических, факторах» (курсив наш. – Н. З.) [28, с. 215–216].

В 1886 г. в работе, опубликованной в немецком журнале, А. Н. Веселовский писал: «К этому я присоединил бы еще одну задачу, входящую в район сравнительной истории литературы, задачу не легкую, но полезную в методологическом отношении. В известные периоды литературного развития замечается предрасположенность писателей, и, очевидно, публики, не только к известным поэтическим родам... но и к известным сюжетам. Эти сюжеты либо творятся наново, иногда из обломков старых, или они уже были, и были забыты, и снова выдвигаются в литературу, отвечая на общественный спрос (приводится как пример легенда о Фаусте, чей тип идеализируется в драме К. Марло. – Н. З.). Итак, популярность известных сюжетов в известную пору имеет свой общественный *raison d'être*. Для сближения, подобного этому, необходимы условия: хронологическая определенность памятника, популярность которого засвидетельствована, и хорошее знакомство с идеями современного общественного развития» [26, с. 232].

Истории идеалов А. Н. Веселовский придавал особую значимость. Это подтверждается тем, что раздел с соответствующим названием был включен им в план работы «Историческая поэтика» наравне с разделом «Поэтика сюжета» [43, с. 176–180]. И. О. Шайтанов пришел к выводу, что к разделу «История идеалов» А. Н. Веселовский относил материалы статей «Из истории развития личности», «Из истории *Naturgefühl*» и «Из поэтики розы» [44, с. 13]. В них метод истории идей главенствует, но и во многих других работах присутствует либо метод, либо элементы анализа внешней действительности, повлиявшей на тексты.

В статье «Из истории развития личности», впервые опубликованной в 1972 г., А. Н. Веселовский обращается к культурным кодам Античности, Средних веков и Возрождения, чтобы поставить под сомнение правомочность господствовавшей в конце XIX в. концепции средневекового развития личности. Автор учитывает «общественные представления», «странное разнообразие культурных элементов», «отдельно бегущие струи в безразличной массе культурных фактов» [45, с. 238], т. е. культурные установки, менталитет средневекового человека, женщины в частности, средневековое понимание *virtu* [45, с. 239], чтобы определить, что «чувство новой формы еще не прояснилось и не явилось сознание того нового принципа, который мог бы творчески объединить разрозненные элементы... и негде было развиваться личной инициативе... личное подчинялось массовому» [45, с. 239]. Далее ученый верифицирует свою гипотезу анализом большого количества средневековых итальянских и английских текстов. Беспрецедентное по своей методологии исследование позволяет назвать А. Н. Веселовского создателем метода истории идей в литературоведении.

Проявленное А. Н. Веселовским внимание к истории идеалов всегда удерживалось советскими и российскими исследователями (см., например, [25; 46]). Современные литературоведы подчеркивают зависимость понимания целостности произведения от контекста, вычленения аксиологического компонента от умения увидеть текст в контексте социума и эпохи, применяют историю идей при рассмотрении формирования стиля и т. д. Будучи необыкновенно популярным и продуктивным у историков, культурологов и социологов, которые традиционно прослеживают идеи, зафиксированные в литературных памятниках, в литературоведческих работах метод истории идей редко выходит на первое место. Такой работой стала монография И. О. Шайтанова «Мыслящая муза: открытие природы в поэзии XVIII века» (1989) [47], уникальный опыт, позволивший на расстоянии нескольких десятилетий увидеть автора «разработчиком русского варианта “биографии идей”» [48, с. 9].

И. О. Шайтанов использует методологию истории идей, чтобы сократить временную и языковую дистанцию между современным исследователем, читателем и поэзией XVIII в.: «Мы приближаем эпоху к себе, смотрим на нее в свете будущего, торопим ее появление. И в этом тем более расходимся с суще-

ствовавшей самооценкой: приговор новому зависел во многом от того, насколько оно, новое, вписывается в традицию, признавалось отвечающим установленным высшим образцам» [47, с. 3]. В предисловии сразу обозначены три точки на оси времени: настоящее, в котором пишет исследователь; прошлое, в котором и для которого писал автор; прошлое (плюсquamперфект), в споре с которым писал автор. Только установление отношений между всеми тремя временными отрезками способно раскрыть суть явления. Данное отношение выстраивается по степени ценностности идеи, чаще воплощенной в тексте, но иногда и бытовавшей в виде ментальной установки: И. О. Шайтанов привлекает к рассмотрению философские воззрения эпохи, историю идеи природы, цельности бытия, становления самосознания личности и др. В числе прочих ставятся задачи «рисовать картину эпохи» [47, с. 5], показать, какие представления о природе были «центральными для мировоззрения» [47, с. 8]. В фокусе оказывается «обширный и разнообразный ряд работ, благодаря которым *меняющееся чувство* природы становилось фактом общекультурного значения» [47, с. 8–9]. Сейчас метод истории идей ведущий в диссертационных исследованиях шекспироведов Л. В. Егоровой (2009), В. С. Макарова (2000), И. И. Лисович (2014).

В белорусском литературоведении продуктивность историко-контекстуального подхода к изучению национальных литератур постоянно подчеркивает А. А. Гугнин, положивший его в основу своего монографического исследования «Серболужицкая литература XX века в славянско-германском контексте» (2000) и ряда статей [49–52]. Как руководитель научной школы историко-контекстуального метода в изучении мировой литературы, ученый оценивает потребность в «исторической объективности» и возможность ее достижения в литературоведении с позиций современной философской мысли. Для нашей работы очень актуальна мысль А. А. Гугнина о том, что «историко-контекстуальный подход позволяет четко систематизировать религиозные, политические, социокультурные, социолингвистические и прочие многочисленные различия локальных контекстов литературного развития» и посредством анализа их влияния действительно «объяснить разительные [типологические] расхождения» [51, с. 6], а в приложении к нашему объекту исследования – объяснить неоднородность, даже противоречивость идей автора, которую можно наблюдать в творчестве в целом и нередко даже в рамках одного произведения.

Использование методологии А. Н. Веселовского в исследовании мотива самоубийства в творчестве У. Шекспира

В конкретном литературоведческом мотивном исследовании непременно придется ответить на вопрос о том, почему определенный мотив стал популярен, заинтересовал автора, т. е. с точки зрения истории идей необходимо объяснить, почему некая идея витала в воздухе, т. е. была актуальна, интересна, воспринималась как проблема лучшими умами эпохи. Без ответа на вопрос о причинах возникновения и частотности в творчестве автора того или иного мотива мотивный анализ произведения оторван от основного пласта литературы и культуры и оттого не может быть интерпретирован досконально и объективно. Как видим сегодня, ревизии подлежат интерпретативные попытки объяснить творчество У. Шекспира сквозь ментальные наслоения XVIII–XXI вв. Вслед за А. Н. Веселовским мы настаиваем на проникновении в замысел автора, анализ восприятия пьесы елизаветинскими и якобинскими зрителями, прагматику тех или иных вариантов мотива в комедиях и трагедиях, учете театральных условностей эпохи, т. е. на использовании методологии истории идей в сочетании с методами компаративной поэтики. Перспективно, в частности, обращение к синтезу мотивного анализа, компаративного и контекстуального анализа при рассмотрении мотива самоубийства в творчестве У. Шекспира. И если с первыми двумя все достаточно ясно, то в процессе исследования идеи добровольной смерти в английском менталитете рубежа XVI–XVII вв. возникает ряд дополнительных вопросов.

В первую очередь мы упираемся в вопрос: «Из чего конкретно исходить при определении факторов, повлиявших на один из элементов поэтики выдающегося английского драматурга конца XVI – начала XVII в.?» Проанализировав теорию и практику применения методологии истории идей, мы считаем нужным включить текстуально закрепленные суждения о добровольном уходе из жизни, о чем будет сказано ниже, и поведенческие практики, в совокупности формирующие наше представление о коллективных установках касательно такого явления, как самоубийство. Мы исследуем константы культуры в преломлении менталитета эпохи, чтобы попытаться реконструировать процесс формирования данных установок, воссоздать релевантную предмету и объекту исследования картину мира.

Конечно, в случае с другими авторами мы могли бы воспользоваться материалами анализа биографических сведений, эссеистики, писем современников и т. д., но в случае с У. Шекспиром никакие известные нам факты биографии (очень скудные) не объясняют интереса к проблеме самоубийства в его творчестве, как, например, в случае с Т. Мором. На поверхности лежит возможность проанализировать прочитанные У. Шекспиром тексты на предмет выражения идеи самоубийства. Рассуждая таким образом, мы включили в круг рассмотрения следующие группы произведений:

1) тексты, чье влияние на У. Шекспира доказано рядом ученых ввиду того, что они читались учениками английской грамматической школы второй половины XVI в., следовательно, и драматургом (допущение, принятое в шекспироведении повсеместно) [53; 54] и подтверждено текстологически (например, работой Р. Бертона «Анатомия меланхолии»);

2) произведения, которые, скорее всего, не были непосредственно прочитаны драматургом, но содержали «идеи, витающие в воздухе того времени» и воспринятые разными социальными кругами осознанно или бессознательно, опосредованно или непосредственно.

Учтем, что данные группы текстов сформированы не окончательно и объекты анализа могут добавляться или перемещаться из одной группы в другую ввиду недоскональности и постоянного обогащения нашего знания о Шекспире и круге его чтения.

В данном случае существует опасность безграничного расширения корпуса прецедентных текстов из последней группы, поэтому на основании сопоставительного анализа необходимо создать «предварительный образ» мотива самоубийства в творчестве У. Шекспира, прогнозировать результаты использования того или иного текста для сопоставительного анализа, обнаружить значительную степень близости к шекспировским произведениям, учитывать релевантность для исследования мотива самоубийства и ограничить их число до такой степени, когда рассмотрение каждого нового текста перестает приносить новые смыслы.

Сегодня в науке очевидна тенденция к дальнейшему расширению не столько количества, сколько качества исходных данных. Во введении к книге о бытовании научного знания в раннее Новое время И. И. Лисович пишет: «Возникает требование нелинейной истории, которая бы давала более полное представление, в том числе и о периоде научной революции, в котором как медиевисты, так и специалисты по раннему Новому времени стали находить все больше следов от прошлых эпох и альтернативных практик, что послужило причиной последовательного отказа от модернизации во имя идеи прогресса. В связи с этим в поле внимания исследователей все чаще попадает общий интеллектуальный и культурный контекст научного знания. <...> Погружение в более широкий культурный контекст дает совершенно иное представление об историческом периоде и позволяет открыть иные векторы развития (научных практик)» [55, с. 7]. Данное расширение идет рука об руку с отказом от тотальной структуризации и иерархизации исходных данных в пользу *эклетицистичности*, заявленной еще Дж. Бейтом в книге «Шекспир и Овидий» (1994) [56]. Сегодня и российские ученые исходят из «*неоднородности культурного пространства*» (здесь и далее курсив наш. – Н. З.) [57, с. 307], и зарубежные авторы предпочитают видеть его как «*сеть динамичных взаимообъясняющих отношений между людьми, телами, пространствами, структурами, вещами в противоположность сложившемуся научному подходу, разделяющему объекты исследования философии и медицины и тем сужающими их кругозор*» (перевод наш. – Н. З.) [58].

Однако бесконечным расширением быть не только не может (полнота качественная не есть полнота количественная), но и не должно, поскольку не мог автор, хотя бы и У. Шекспир, воспринять все идеи своего времени (от такого видения выразителя времени предостерегал еще А. Н. Веселовский), поэтому литературоведческий вектор направлен и от социального к личному. Приняв к сведению коллективные установки, писатель воспроизводит их в контексте *своей* уникальной жизни. Методолог и один из основателей интеллектуальной истории Л. П. Репина объясняет: «Чтобы понять авторское высказывание, необходимо “увидеть” весь процесс его порождения, в котором “вызов” встающих перед мыслителем проблем соединяется с реальными социально-политическими и жизненными обстоятельствами, с его интересами, намерениями и целями, с располагаемыми культурно-интеллектуальными ресурсами, с событийным рядом его действий по производству текста, и пр.» [59, с. 6].

Нечто воспринятое существует в качестве и сознательного, и бессознательного, и из обоих уровней по принципу отбора (отсеивания, игнорирования) формируются творческие интенции писателя. Затем, уже ввиду различных установок интерпретатора и его культурного и интерпретативного опыта, один и тот же текст может быть понят совершенно по-разному и даже противоречиво, что исчерпывающе продемонстрировало чтение источников новым историзмом.

Заключение

В определенный отрезок времени, обычно сопоставимый с эпохами и историческими периодами, общество руководствуется некоторым набором этических ценностей, которые становятся критериями оценки действий и высказываний отдельных индивидов. При смене эпохи и, следовательно, менталитета, а также при перемещении по горизонтали, т. е. в национальном преломлении, содержание данного набора варьируется. Таким образом, можно говорить об особой ценности тех или иных ментальных

установок относительно достаточно ограниченного ряда постоянно существующих идей. Их особая ценность заключается в соответствии с потребностями времени и, значит, большей возможностью реализации именно в этот период, какими бы они ни были (прогрессивными либо регрессивными с какой бы то ни было, даже субъективной, точки зрения). Система актуальных ценностей находит отражение в мотивике литературы данной эпохи, что диктует необходимость проводить мотивный анализ в контексте соответствующего периода для выявления особенностей конкретного произведения и автора и на фоне «большого времени» для установления константных характеристик рассматриваемого мотива.

Стоит подчеркнуть тот факт, что у А. Н. Веселовского история идей (идеалов) входит в общую систему исторической поэтики, где она соседствует и взаимодействует с ключевыми понятиями: сюжет – мотив – жанр. Методология «Исторической поэтики» предполагает анализ мотивов внутри более сложных смысловых комплексов, в первую очередь сюжетного и жанрового, что открывает возможность для расширения смыслового контекста, далеко не ограниченного системой поэтики, но предполагающего его прочтение в широком социокультурном контексте эпохи.

Анализ мотива подразумевает несколько углов зрения, общность которых обеспечивает объективность и целостность в наибольшей степени.

Во-первых, для выявления особенностей художественной репрезентации идеи самоубийства в творчестве У. Шекспира необходимо воспользоваться теорией мотива и проанализировать мотив самоубийства как простейшую повествовательную единицу, одночленный схематизм которой обеспечивает ее узнаваемость, стабильность и повторяемость. Во всех своих вариантах мотив обладает рядом постоянных свойств, что позволяет говорить об определенной семантике, структуре и прагматике мотива самоубийства в творчестве У. Шекспира в частности и в ренессансной литературе в целом.

Во-вторых, мотив формируется в зависимости от контекста эпохи и должен изучаться в прямой связи с историко-культурными, религиозными процессами, ментальными установками, психологией социума, потому что именно контекст задает семантические и прагматические смыслы мотива. Без контекстуального анализа невозможно говорить ни о рецепции, ни об аксиологии мотива.

В-третьих, мотивы необходимо рассматривать в «большом времени», в их длительном и сложном созревании, расширяя контекст одной эпохи. Генезис и развитие мотива проявляются лишь на фоне повествовательной традиции, действующей интересующий нас мотив. Компаративный анализ позволяет обнаружить типологические черты определенного литературного периода и установить место индивидуального творчества в литературном процессе. Преимущества сочетания этих трех подходов к мотиву демонстрируют научные работы А. Н. Веселовского.

В XXI в. неустранимость временной и языковой дистанции прекрасно осознается исследователями, и, по замечанию А. А. Гугнина, именно знание своей неизбежной субъективности дает литературоведу XXI в. «хотя бы одно бесспорное преимущество» [59, с. 4]. Мы смотрим сквозь призму современного знания, лишь пытаясь преодолеть культурные, религиозные, психологические напластования последующих эпох и разглядеть то, чем в действительности являлся елизаветинский мир и его представители. Однако в рамках нашего менталитета ограничена возможность снять более поздние интерпретации и проявить идеи, владевшие умами в елизаветинскую и якобинскую эпохи, и данные цели, скорее, остаются идеальными.

Наложение этих соображений на прочные позиции релятивизма и диалогизма сознания не нивелирует потребности в отчетливом научном результате. Дуализм ситуации ведет специалистов разных областей гуманитарного знания к поиску новой методологии: компаративной поэтике, интеллектуальной истории, гуманитарной эпистемологии, тезаурусной теории, постлингвистическому повороту и др.

Сейчас, когда схлынула постмодернистская волна отрицаний, нам кажется возможным совмещение глобального и единичного, социального и частного, тенденциозного и периферийного, коллективного и личного. Современные исследователи стремятся включить в круг рассмотрения «действительный общественно-исторический мир жизни – опыт личности и опыт социальности, опыт политический и опыт “повседневности”, опыт традиции и опыт “революции” (обращения традиций), опыт биографический, эстетический, религиозный, сексуальный, поколенческий, семейный, космический, профессиональный и т. п.» [60, с. 8] в той степени, в какой он приложим к предмету и объекту исследования. Мы стремимся разглядеть сквозь толщу веков актуальные факторы формирования творчества выдающегося англичанина XVI–XVII вв., не меряя их в соответствии с ментальными приобретениями последующих веков, однако осознаем неизбежность этого влияния. Мы видим У. Шекспира, с одной стороны, как человека его времени, разделяющего ментальные установки елизаветинского и якобинского обществ, с другой – как индивидуальность, способную наиболее совершенно выразить эту ментальность на языке своей культуры и привнести в нее свое понимание.

Библиографические ссылки

1. Аничков ЕВ. «Историческая поэтика» А. Н. Веселовского. *Вопросы теории и психологии творчества*. 1911;2:84–139.
2. Гацак ВМ. Академик А. Н. Веселовский – родоначальник исторической поэтики. (К 150-летию со дня рождения). *Вестник Академии наук СССР*. 1988;9:121–130.
3. Гусев ВЕ. А. Н. Веселовский и проблемы фольклористики. *Известия Академии наук СССР*. 1957;16(2):114–128.
4. Еремина ВИ. Проблемы исторической поэтики в наследии А. Н. Веселовского. *Русский фольклор*. 1979;19:126–146.
5. Лихачев ДС. *Историческая поэтика русской литературы*. Санкт-Петербург: Алетейя; 1997. 508 с.
6. Путилов БН. Веселовский и проблемы фольклорного мотива. В: Заборов ПР, редактор. *Наследие Александра Веселовского. Исследования и материалы*. Санкт-Петербург: Наука; 1992. с. 74–86.
7. Силантьев ИВ. *Теория мотива в отечественном литературоведении и фольклористике: очерк историографии*. Новосибирск: Издательство ИДМИ; 1999. 104 с.
8. Шишмарев ВФ. Александр Веселовский и его критики. *Октябрь*. 1947;12:174–182.
9. Мелетинский ЕМ. «Историческая поэтика» А. Н. Веселовского и проблема происхождения повествовательной литературы. В: Храпченко МБ, Бердников ГП, Гей НК, Бочаров СГ, Подгаецкая ИЮ, редакторы. *Историческая поэтика. Итоги и перспективы изучения*. Москва: Наука; 1986. с. 25–52.
10. Топорков АЛ. *Теория мифа в русской филологической науке XIX века*. Москва: Индрик; 1997. 456 с.
11. Азадовский МК. А. Н. Веселовский как исследователь фольклора. *Известия Академии наук СССР*. 1938;4:85–119.
12. Говенько ТВ. *Фольклористические работы академика А. Н. Веселовского на немецком языке: Аспекты развития концептуально-аналитических подходов и вклад в российскую и международную науку [диссертация]*. Москва: Институт мировой литературы имени А. М. Горького РАН; 2000. 122 с.
13. Горский ИК. *Александр Веселовский и современность*. Москва: Наука; 1975. 239 с.
14. Жирмунский ВМ. Сравнительное литературоведение и проблема литературных влияний. *Известия Академии наук СССР*. 1936;3:383–403.
15. Плеханова МБ. Веселовский как исследователь форм исторического сознания. В: Заборов ПР, редактор. *Наследие Александра Веселовского. Исследования и материалы*. Санкт-Петербург: Наука; 1992. с. 40–55.
16. Шайтанов ИО. *Компаративистика и/или поэтика. Английские сюжеты глазами исторической поэтики*. Москва: Издательство РГГУ; 2010. 656 с.
17. Пропп ВЯ. *Морфология сказки*. Ленинград: Academia; 1929. 152 с.
18. Веселовский АН. Поэтика сюжетов. В: Веселовский АН. *Избранное. Историческая поэтика*. Москва: РОССПЭН; 2006. с. 535–573.
19. Тамарченко НД. Мотив преступления и наказания в русской литературе (введение в проблему). В: Ромодановская ЕК, редактор. *Материалы к словарю сюжетов и мотивов русской литературы. Сюжет и мотив в контексте традиции. Выпуск 2*. Новосибирск: Сибирское отделение РАН; 1998. с. 38–48.
20. Бем А. К уяснению историко-литературных понятий. *Известия Отделения русского языка и литературы Академии наук*. 1919;23(1):225–245.
21. Белецкий АИ. *В мастерской художника слова*. Москва: Высшая школа; 1989. 160 с.
22. Силантьев ИВ. *Поэтика мотива*. Москва: Языки славянской культуры; 2004. 296 с.
23. Мелетинский ЕМ. Семантическая организация мифологического повествования и проблема создания семиотического указателя мотивов и сюжетов. *Ученые записки Тартуского государственного университета*. 1983;635:115–125.
24. Гаспаров МЛ. Из наблюдений над мотивной структурой романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита». В: Гаспаров МЛ. *Литературные лейтмотивы. Очерки по русской литературе XX века*. Москва: Наука; 1993. с. 28–83.
25. Бахтин ММ. *Эстетика словесного творчества*. Москва: Искусство; 1979. 424 с.
26. Веселовский АН. Заметки и сомнения о сравнительном изучении средневекового эпоса (по поводу итальянских сказок). В: Веселовский АН. *Избранное. На пути к исторической поэтике*. Москва: Автокнига; 2010. с. 79–166.
27. Веселовский АН. Сравнительная мифология и ее метод. В: Веселовский АН. *Избранное. На пути к исторической поэтике*. Москва: Автокнига; 2010. с. 167–211.
28. Веселовский АН. О романо-германском кружке в Петербурге и его возможных задачах. В: Веселовский АН. *Избранное. На пути к исторической поэтике*. Москва: Автокнига; 2010. с. 212–223.
29. Веселовский АН. Заметка. (Новый журнал сравнительной истории литературы). В: Веселовский АН. *Избранное. На пути к исторической поэтике*. Москва: Автокнига; 2010. с. 224–234.
30. Лавджой АО. *Великая цепь бытия. История идеи*. Сафронов-Антони В, переводчик. Москва: Дом интеллектуальной книги; 2001. 376 с.
31. Шамшурин ВИ. Школа интеллектуальной истории. В: Левит СЯ, редактор. *Культурология. Энциклопедия. Том 2*. Москва: РОССПЭН; 2007. с. 981.
32. Февр Л. *Бои за историю*. Москва: Наука; 1991. 635 с.
33. Гуревич АЯ. *Категории средневековой культуры*. Москва: Искусство; 1984. 350 с.
34. Greenblatt S. *Renaissance self-fashioning. From more to Shakespeare*. Chicago: Chicago UP; 1980. 321 p.
35. Шайтанов ИО. «Бытовая» история. *Вопросы литературы*. 2002;2:3–24.
36. Бродель Ф. *Структуры повседневности: возможное и невозможное. Том 1. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв.* Куббель ЛЕ, переводчик; Афанасьев ЮН, редактор. Москва: Весь мир; 2006. 592 с.
37. Арьес Ф. *Человек перед лицом смерти*. Ронин ВК, переводчик; Оболенская СВ, редактор. Москва: Прогресс; 1992. 528 с.
38. Лотман ЮМ. Смерть как проблема сюжета. В: Кошелев АД, составитель. *Ю. М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа*. Москва: Гнозис; 1994. с. 417–430.
39. Skinner Q. *Regarding method*. Cambridge: Cambridge University Press; 2002. 226 p.
40. Wilson FP. *Elizabethan and Jacobean*. Oxford: Clarendon Press; 1999. 144 p.
41. Веселовский АН. Из тетради «Adnotationes». (Из дневника человека, ищущего пути). В: Веселовский АН. *Избранное. На пути к исторической поэтике*. Москва: Автокнига; 2010. с. 36–38.

42. Веселовский АН. О методе и задачах истории литературы как науки. Вступительная лекция в курс истории всеобщей литературы, читанная в Императорском С.-Петербургском университете 5-го октября 1870 года. В: Веселовский АН. *Избранное. На пути к исторической поэтике*. Москва: Автокнига; 2010. с. 9–26.
43. Жирмунский ВМ. Неизданная глава из «Исторической поэтики» А. Веселовского. *Русская литература*. 1959;2:176–180.
44. Шайтанов ИО. Была ли завершена историческая поэтика. В: Шайтанов ИО. *Компаративистика и/или поэтика. Английские сюжеты глазами исторической поэтики*. Москва: Издательство РГГУ; 2010. р. 35–86.
45. Веселовский АН. *Из истории развития личности. Женщина и старинные теории любви*. Санкт-Петербург: Типография Суворина; 1912. 96 с.
46. Тюпа ВИ. О научном статусе исторической поэтики. В: *Целостность литературного произведения как проблема исторической поэтики*. Кемерово: Кемеровский государственный университет; 1986. с. 3–8.
47. Шайтанов ИО. *Мыслящая муза. Открытие природы в поэзии XVIII в.* Москва: Прометей; 1989. 257 с.
48. Половинкина ОИ. Об этой книге. В: Половинкина ОИ, редактор. *Noscere est comparare. Компаративистика в контексте исторической поэтики*. Москва: РГГУ; 2017. с. 9–10.
49. Гугнин АА. Два литературоведческих этюда с методологическим уклоном. 1. Идеи космического универсализма у Гете и йенских романтиков в свете концепции ноосферы В. И. Вернадского (несколько тезисов). 2. Глобализация, постмодернизм и современный литературный процесс: (несколько общих тезисов). В: Кудрявцева ТВ, редактор. *Немецкоязычная литература: Единство в многообразии. Сборник статей к 75-летию профессора Владимира Денисовича Седельника*. Москва: ИМЛИ РАН; 2010. с. 413–431.
50. Гугнин АА. Историко-контекстуальный подход к изучению национальной литературы (на примере истории серболужицкой литературы). В: Гугнин АА, редактор. *Белорусско-русско-польское сопоставительное языкознание и литературоведение. Тезисы преподавателей ПГУ – участников Пятой международной научной конференции; 25–27 мая 2000 г.; Витебск, Беларусь*. Новополоцк: [б. и.]; 2000. с. 3–5.
51. Гугнин АА. *Серболужицкая литература XX века в славянско-германском контексте*. Хорев ВА, редактор. Москва: Индрик; 2001. 180 с.
52. Гугнин АА. Стихотворение Л. Уланда «Мицкевич» в контексте немецкой политической поэзии 1830-х годов: несколько эмпирических и методологических тезисов к проблеме массового и немассового сознания. В: Мусиенко СФ, редактор. *Творчество Адама Мицкевича и современная мировая культура*. Гродно: Ламарк; 2010. с. 124–131.
53. Baldwin TW. *William Shakespere's small Latine & lesse Greeke*. Urbana: University of Illinois Press; 1944. 774 p.
54. Monsarrat G. *Les Theme stoiciens dans la literature de la Renaissance anglaise*. Lille: Universite de Lille III; 1975. 744 p.
55. Лисович ИИ. *Скальпель разума и крылья воображения. Научные дискурсы в английской культуре раннего Нового времени*. Москва: Издательский дом Высшей школы экономики; 2015. 440 с.
56. Bate J. *Shakespeare and Ovid*. Oxford: Clarendon Press; 1993. 292 p.
57. Лисович ИИ. Шекспировсфера и неоднородность культурного пространства. *Знание. Понимание. Умение*. 2015;3:307–313. DOI: 10.17805/zpu.2015.3.26.
58. Daniel D. *The melancholy assemblage. Affect and epistemology in the English Renaissance*. New York: Fordham University Press; 2013. 309 p.
59. Репина ЛП. Контексты интеллектуальной истории. *Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории*. 2008;25(1):5–11.
60. Махлин ВЛ. *Второе сознание: подступы к гуманитарной эпистемологии*. Москва: Знак; 2009. 632 с.

References

1. Anichkov EV. [Historical poetics of A. N. Veselovsky]. *Voprosy teorii i psikhologii tvorchestva*. 1911;2:84–139. Russian.
2. Gacak VM. A. N. [The academician A. N. Veselovsky as the founder of the historical poetics (to the 150th anniversary of the birth)]. *Vestnik Akademii nauk SSSR*. 1988;9:121–130. Russian.
3. Gusev VE. [A. N. Veselovsky and the problems of folklore studies]. *Izvestiya Akademii nauk SSSR*. 1957;16(2):114–128. Russian.
4. Eremina VI. [Problems of historical poetics in the legacy of A. N. Veselovsky]. *Russkii fal'klor*. 1979;19:126–146. Russian.
5. Lihachev DS. *Istoricheskaya poetika russkoi literatury* [The historical poetics of Russian literature]. Saint Petersburg: Aleteiya; 1997. 508 p. Russian.
6. Putilov BN. [Veselovsky and the problem of the folk motif]. In: Zaborov PR, editor. *Nasledie Aleksandra Veselovskogo. Issledovaniya i materialy* [Legacy of Alexander Veselovsky. Research and materials]. Saint Petersburg: Nauka; 1992. p. 74–86. Russian.
7. Silant'ev IV. *Teoriya motiva v otechestvennom literaturovedenii i fol'kloristike: ocherk istoriografii* [The theory of motif in the Russian literature and folklore studies: a historiographic essay]. Novosibirsk: Publishing House of the IDMI; 1992. p. 74–86. Russian.
8. Shishmarev VF. [Alexander Veselovsky and his critics]. *Oktyabr'*. 1947;12:174–182. Russian.
9. Meletinsky EM. [«Historical poetics» by A. N. Veselovsky and the problem of the origin of narrative literature]. In: Khrapchenko MB, Berdnikov GP, Gei NK, Bocharov SG, Podgaetskaya IYu, editors. *Istoricheskaya poetika. Itogi i perspektivy izucheniya* [Historical poetics. Results and perspectives of the study]. Moscow: Nauka; 1986. p. 25–52. Russian.
10. Toporkov AL. *Teoriya mifa v russkoi filologicheskoi nauke XIX veka* [The theory of myth in Russian philological science of the 19th century]. Moscow: Indrik; 1997. 456 p. Russian.
11. Azadovsky MK. [A. N. Veselovsky as a researcher of folklore]. *Izvestiya Akademii nauk SSSR*. 1938;4:85–119. Russian.
12. Govenko TV. *Fol'kloristicheskie raboty akademika A. N. Veselovskogo na nemetskom yazyke: Aspekty razvitiya kontseptual'no-analiticheskikh podkhodov i vklad v rossiiskuyu i mezhdunarodnuyu nauku* [Folkloristic works by the academician A. N. Veselovsky in the German language: aspects of the conceptual analytical approaches and the contribution in the Russian and international science; dissertation]. Moscow: A. M. Gorky Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences; 2000. 122 p. Russian.
13. Gorsky IK. *Aleksandr Veselovskii i sovremennost'* [Alexander Veselovsky and the present]. Moscow: Nauka; 1975. 239 p. Russian.

14. Zhyrmunsky VM. [Comparative literary studies and the problem of literary influences]. *Izvestiya Akademii nauk SSSR*. 1936;3:383–403. Russian.
15. Pluhanov MB. [Veselovsky as a researcher of the forms of the historical conscience]. In: Zaborov PR, editor. *Nasledie Aleksandra Veselovskogo. Issledovaniya i materialy* [Legacy of Alexander Veselovsky. Research and materials]. Saint Petersburg: Nauka; 1992. p. 40–55. Russian.
16. Shaitanov IO. *Komparativistika i/ili poetika. Angliiskie syuzhety glazami istoricheskoi poetiki* [Comparative studies and/or poetics. English plots from the view of historical poetics]. Moscow: Publishing House of the Russian State University for the Humanities; 2010. 656 p. Russian.
17. Propp VY. *Morfologiya skazki* [Morphology of a fairy tale]. Leningrad: Akademiya; 1929. 152 p. Russian.
18. Veselovski AN. [Poetics of plots]. In: Veselovski AN. *Izbrannoe. Istoricheskaya poetika* [Selected works. Historical poetics]. Moscow: ROSSPEN; 2006. p. 535–573.
19. Tamarchenko ND. [The motif of crime and punishment in Russian literature introduction in the problem]. In: Romodanovskaya EK, editor. *Materialy k slovaryu syuzhetov i motivov russkoi literatury. Syuzhet i motiv v kontekste traditsii. Vypusk 2* [Materials for the dictionary of plots and motifs of Russian literature. Plot and motif in the context of the tradition. Issue 2]. Novosibirsk: Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences; 1998. p. 38–48. Russian.
20. Bem A. [To the clarification of historical and literary concepts]. *Izvestiya Otdeleniya russkogo yazyka i literatury Akademii nauk*. 1919;23(1):225–245. Russian.
21. Beletsky AI. *V masterskoi khudozhnika slova* [In the artist's workshop of words]. Moscow: Vysshaya shkola; 1989. 160 p. Russian.
22. Silantsev IV. *Poetika motiva* [The poetics of the motif]. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury; 2004. 296 p. Russian.
23. Meletinsky EM. [The semantic organization of mythological narrative and the problem of creating a semiotic index of motives and plots]. *Uchenye zapiski Tartuskogo gosudarstvennogo universiteta*. 1983;635:115–125. Russian.
24. Gasparov ML. [From observations of the motive structure of the novel by M. A. Bulgakov «The Master and Margarita»]. In: Gasparov ML. *Literaturnye leitmotivy. Ocherki po russkoi literature XX veka* [Literary motifs. Essays on Russian literature of the 20th century]. Moscow: Nauka; 1993. p. 28–83. Russian.
25. Bakhtin MM. *Estetika slovesnogo tvorchestva* [The aesthetics of the speech creativity]. Moscow: Iskusstvo; 1979. 424 p. Russian.
26. Veselovski AN. [Notes and doubts about the comparative study of the medieval epic (concerning Italian fairy tales)]. In: Veselovski AN. *Izbrannoe. Na puti k istoricheskoi poetike* [Selected works. Towards historical poetics]. Moscow: Avtokniga; 2010. p. 79–166. Russian.
27. Veselovski AN. [Comparative mythology and its method]. In: Veselovski AN. *Izbrannoe. Na puti k istoricheskoi poetike* [Selected works. Towards historical poetics]. Moscow: Avtokniga; 2010. p. 167–211. Russian.
28. Veselovski AN. [About the Romano-Germanic circle in Saint Petersburg and its possible tasks]. In: Veselovski AN. *Izbrannoe. Na puti k istoricheskoi poetike* [Selected works. Towards historical poetics]. Moscow: Avtokniga; 2010. p. 212–223. Russian.
29. Veselovski AN. [Note. (New Journal of Comparative Literary History)]. In: Veselovski AN. *Izbrannoe. Na puti k istoricheskoi poetike* [Selected works. Towards historical poetics]. Moscow: Avtokniga; 2010. p. 224–234. Russian.
30. Lovejoy AO. *The great chain of being a study of the history of an idea*. Cambridge: Harvard University press; 1936. 382 p. Russian edition: Lovejoy AO. *Velikaya tsep' bytiya. Istoriya idei*. Safronov-Antomoni V, translator. Moscow: Dom intellektual'noi knigi; 2001. 376 p.
31. Shamshurin VI. [School of intellectual history]. In: Levit SYa, editor. *Kul'turologiya. Entsiklopediya. Tom 2* [Culturology. Encyclopedia. Volume 2]. Moscow: ROSSPEN; 2007. p. 981. Russian.
32. Fevre L. *Kategorii srednevekovoi kul'tury* [Fights for the story]. Moscow: Nauka; 1991. 635 p. Russian.
33. Gurevich AY. *Kategorii srednevekovoi kul'tury* [Categories of medieval culture]. Moscow: Iskusstvo; 1984. 350 p. Russian.
34. Greenblatt S. *Renaissance self-fashioning. From more to Shakespeare*. Chicago: Chicago UP; 1980. 321 p.
35. Shaitanov IO. [«Household» story]. *Voprosy literatury*. 2002;2:3–24. Russian.
36. Braudel F. *Les structures du quotidien. Volume 1. Civilisation matérielle, économie et capitalisme, XV–XVIII siècles*. Paris: Armand Colin; 1979. 544 p. Russian edition: Braudel F. *Struktury povsednevnosti: vozmozhnoe i nevozmozhnoe. Tom 1. Material'naya tsivilizatsiya, ekonomika i kapitalizm, XV–XVIII vv*. Kubbel LE, translator; Afanasiev YuN, editor. Moscow: Ves' mir; 2006. 592 p.
37. Aries E. *Chelovek pered litsom smerti* [Man in the face of death]. Ronin VK, translator; Obolenskaya SV, editor. Moscow: Progress; 1992. 528 p. Russian.
38. Lotman UM. [Death as a plot issue]. In: Koshelev AD, compiler. *Yu. M. Lotman i tartusko-moskovskaya semioticheskaya shkola* [Yu. M. Lotman and the Tartu-Moscow semiotic school]. Moscow: Gnosis; 1994. p. 417–430. Russian.
39. Skinner Q. *Regarding method*. Cambridge: Cambridge University Press; 2002. 226 p.
40. Wilson FP. *Elizabethan and Jacobean*. Oxford: Clarendon Press; 1999. 143 p.
41. Veselovski AN. [From the notebook «Adnotationes». (From the diary of a man seeking a path)]. In: Veselovski AN. *Izbrannoe. Na puti k istoricheskoi poetike* [Selected works. Towards historical poetics]. Moscow: Avtokniga; 2010. p. 36–38. Russian.
42. Veselovski AN. [On the method and tasks of the history of literature as a science. Introductory lecture to the course on the history of general literature delivered at the Imperial Saint Petersburg University on 1870 October 5]. In: Veselovski AN. *Izbrannoe. Na puti k istoricheskoi poetike* [Selected works. Towards historical poetics]. Moscow: Avtokniga; 2010. p. 9–26. Russian.
43. Zhirmunsky VM. [Unpublished chapter from A. Veselovsky's historical poetics]. *Russkaya literatura*. 1959;2:176–180. Russian.
44. Shaitanov IO. [Has historical poetics been completed?]. In: Shaitanov IO. *Komparativistika i/ili poetika. Angliiskie syuzhety glazami istoricheskoi poetiki* [Comparative studies and/or poetics. English plots from the view of historical poetics]. Moscow: Publishing House of the Russian State University for the Humanities; 2010. p. 35–86. Russian.
45. Veselovski AN. *Iz istorii razvitiya lichnosti. Zhenshchina i starinnye teorii lyubvi* [From the history of personality development. Woman and old theories of love]. Saint Petersburg: Typography by Suvorin; 1912. 96 p.
46. Tupa VI. [About the scientific status of the historical poetics]. In: *Tselostnost' literaturnogo proizvedeniya kak problema istoricheskoi poetiki* [The integrity of a literary work as a problem of historical poetics]. Kemerovo: Kemerovo State University; 1986. p. 3–8. Russian.

47. Shaitanov IO. *Myslyashchaya muza. Otkrytie prirody v poezii XVIII v.* [The thinking muse: the discovery of nature in 18th century poetry]. Moscow: Prometei; 1989. 257 p. Russian.
48. Polovinkina OI. [About this book]. In: Polovinkina OI, editor. *Noscere est comparare. Komparativistika v kontekste istoricheskoi poetiki* [Noscere est comparare. Comparative studies in the context of historical poetics]. Moscow: Publishing House of the Russian State University for the Humanities; 2017. p. 9–10. Russian.
49. Gugin AA. [Two literary studies with a methodological bias: 1. The ideas of cosmic universalism among Goethe and the Jena romantics in the light of the concept of the noosphere by V. I. Vernadsky (several theses). 2. Globalization, postmodernism and the modern literary process: (a few general points)]. In: Kudryavtseva TV, editor. *Nemetskoyazychnaya literatura: Edinstvo v mnogoobrazii. Sbornik statei k 75-letiyu professora Vladimira Denisovicha Sedel'nika* [German-language literature: unity in diversity. Collection of articles on the 75th anniversary of Professor Vladimir Denisovich Sedelnik]. Moscow: A. M. Gorky Institute of World Literature, Russian Academy of Science; 2010. p. 413–431. Russian.
50. Gugin AA. [Historical and contextual approach to the study of national literature (on the example of the history of Serboluga literature)]. In: Gugin AA, editor. *Belorussko-russko-pol'skoe sopostavitel'noe yazykoznanie i literaturovedenie. Tezisy prepodavatelei PGU – uchastnikov Pyatoi mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii; 25–27 maya 2000 g.; Vitebsk, Belarus* [Belorussian-Russian-Polish comparative linguistics and literary criticism. Abstracts of teachers of Polack State University – participants of the Fifth International Scientific Conference; 2000 May 25–27; Viciebsk, Belarus]. Navapolack: [s. n.]; 2000. p. 3–5. Russian.
51. Gugin AA. *Serboluzhitskaya literatura XX veka v slavyansko-germanskom kontekste* [Serboluzhitsky literature of the 20th century in the Slavic-German context]. Moscow: Indrik; 2001. 180 p. Russian.
52. Gugin AA. [The poem by L. Uland «Miscavige» in the context of German political poetry of the 1830s: several empirical and methodological theses on the problem of mass and non-mass consciousness]. In: Musienko SF, editor. *Tvorchestvo Adama Mitskevicha i sovremennaya mirovaya kul'tura* [The work of Adam Mickiewicz and modern world culture]. Hrodna: Lamark; 2010. p. 124–131. Russian.
53. Baldwin TW. *William Shakespere's small Latine & lesse Greeke*. Urbana: University of Illinois Press; 1944. 774 p.
54. Monsarrat G. *Les Theme stoiciens dans la literature de la Renaissance anglaise*. Lille: Universite de Lille III; 1975. 744 p.
55. Lisovich II. *Skal'pel' razuma i kryl'ya voobrazheniya. Nauchnye diskursy v angliiskoi kul'ture rannego Novogo vremeni* [The scalpel of the mind and the wings of the imagination. Scientific discourses in early modern English culture]. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics; 2015. 440 p. Russian.
56. Bate J. *Shakespeare and Ovid*. Oxford: Clarendon Press; 1993. 292 p.
57. Lisovich II. The Shakespearean sphere and heterogeneity of the cultural space. *Znanie. Ponimanie. Umenie*. 2015;3:307–313. Russian. DOI: 10.17805/zpu.2015.3.26.
58. Daniel D. *The melancholy assemblage. Affect and epistemology in the English Renaissance*. New York: Fordham University Press; 2013. 309 p.
59. Repina LP. Contexts of intellectual history. *Dialogue with Time. Intellectual History Review*. 2008;25(1):5–11. Russian.
60. Makhlin VL. *Vtoroe soznanie: podstupy k gumanitarnoi epistemologii* [Second consciousness: approaches to humanitarian epistemology]. Moscow: Znak; 2009. 632 p. Russian.

Статья поступила в редколлегию 30.05.2020.
Received by editorial board 30.05.2020.